

Образы войны

© 2012 г. Л. В. МЕЛЬНИКОВА *

ПРАВОСЛАВНАЯ РОССИЯ ПРОТИВ «БЕЗБОЖНОЙ» ФРАНЦИИ: СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

30 августа 1834 г.¹ в центре Дворцовой площади Санкт-Петербурга к 20-летию победы России над наполеоновской Францией, а также лично в честь императора Александра I была открыта знаменитая Александровская колонна, выполненная по проекту архитектора А.А. Монферрана. Ее вершину венчала фигура ангела, образ которого современники связывали с личностью императора Александра, еще при жизни получившего титул «Благословенный». Ни один император в истории России не был удостоен ни подобного титула, ни подобного памятника. Победа над Наполеоном, считавшимся величайшим военным гением мира и к моменту нападения на Россию увенчанным ореолом всемогущества и непобедимости, в общественном сознании объяснялась не только успехами русской армии и единением всех сословий, но также Божьим промыслом, или, другими словами, помощью, оказанной Всевышним своему помазаннику и его народу.

Отечественная война 1812 года была не только военно-политическим столкновением государств, но также конфликтом двух цивилизаций. Многие современники осознавали происходившие события как противостояние православной дворянско-монархической России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. Гонения на Церковь и духовенство времен Великой Французской революции, введение республиканского календаря и провозглашение новой религией культа Разума, слишком прагматичная, даже беспринципная церковная политика Наполеона, сопровождавшаяся, несмотря на заключение с Римом конкордата 1801 г., неоднократными столкновениями с папой Пием VII, закончившимися в 1809 г. отлучением французского императора от Церкви и пленением римского первосвященника – все это создавало ощущение некоего духовно-религиозного мятежа, поднятого Наполеоном против христианства². Великая армия, покрывшая кровью половину Европы, грабившая и осквернявшая русские православные храмы, воспринималась многими как своеобразная темная сила, а ее предводитель сравнивался со ставленником Сатаны – Антихристом, который, согласно христианской эсхатологии, должен появиться на Земле незадолго до второго пришествия Христа и сосредоточить все существующее на ней зло для борьбы против Христианской Церкви.

Подобному восприятию в немалой степени способствовала политика российского императора Александра I, развернувшего против Наполеона настоящую «информационную войну» и сделавшего в 1812 г. в борьбе с вторгнувшейся в пределы России Великой армией главную ставку на православную веру и народную борьбу, а также активная позиция Русской Православной Церкви, придававшей этому противостоянию религиозный смысл. В отличие от новоиспеченного французского императора, Александр I не только не конфликтовал с Церковью, но, напротив, выступал с ней в тесном единстве.

Союз Церкви и самодержавия, существовавший на Руси еще в XVI–XVII вв. в виде так называемой диархии (двоевластия) царя и патриарха, или «симфонии властей», а позднее оформленный «Духовным регламентом» Петра I в виде слияния церковных

---

* Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 12-31-07002.

структур с государственным аппаратом, имел огромное значение для политической жизни России. Православие, названное в законодательстве религией, «господствующей в государстве», по сути, являлось духовно-нравственной основой Российской империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Православная Церковь путем обряда коронования и миропомазания вступающего на престол императора освящала самодержавную власть, придавая ей сакральный смысл. В народном сознании монарх был помазанником Божиим, и сами понятия веры, царя и Отечества были тесно связаны между собой. В истории России на протяжении столетий Церковь в той или иной форме принимала участие во всех проводимых государством военных столкновениях. Несмотря на библейскую заповедь «Не убий», убийство противника на войне Церковь грехом не считала, более того, войны в защиту Отечества полностью оправдывала, объявляя их священными, а погибших в них воинов – совершившими жертвенный подвиг. Церковь не только санкционировала правомерность и праведность применения вооруженной силы, но и определяла нормы поведения и духовный облик российского воинства, религиозно-патриотическое воспитание которого велось силами военного и морского духовенства. Наиболее ярко взаимодействие Церкви и государственной власти проявилось во время Отечественной войны 1812 года.

К борьбе с наполеоновской Францией Русская Церковь была привлечена императором Александром I еще задолго до перехода Великой армии через границу России. Это произошло в 1806 г. в связи с участием России в IV антифранцузской коалиции. Разгром союзных российско-австрийских войск под Аустерлицем (20 ноября 1805 г.), последовавший за ним развал III коалиции и боязнь переноса военных действий на территорию России заставили российское правительство начать первую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию (1806–1807 гг.), в ходе которой активно использовалась и религиозная фразеология. Пропаганда – распространение фактов, аргументов, слухов и других сведений, в том числе иногда и заведомо ложных, для воздействия на общественное мнение – в годы наполеоновских войн применялась обеими противоборствующими сторонами в качестве своеобразного идеологического оружия, при этом России, в конечном итоге, удалось выиграть эту «войну перьев». Суть военной пропаганды сводилась к тому, чтобы объяснить армии и народу смысл и цели войны, сплотить их на борьбу с врагом, а также попытаться склонить на свою сторону солдат противника. Важное место в распространявшейся информации занимал «образ врага». При его характеристике русская антинаполеоновская пропаганда (как церковная, так и светская) всегда опиралась на реальные исторические факты, но при этом, по законам жанра, часто использовались различные приемы преувеличения (гипербола, гротеск, ирония).

Интересно заметить, что в первые годы правления Александра I, когда отношения с наполеоновской Францией еще не определились, в России цензура порой пропускала в печать откровенные панегирики Наполеону, представлявшие собой переводы или переложения сочинений, которые бонапартистская пропаганда распространяла тогда по всей Европе. Интерес к фигуре Наполеона Бонапарта – человека, менее чем за десять лет проделавшего путь от безвестного армейского поручика до полководца с мировым именем и неограниченного правителя Франции, у русской читающей публики был очень велик, и данные издания были призваны удовлетворить этот массовый спрос³. После расстрела по приказу Наполеона французского принца крови Луи Антуана Анри де Бурбона-Конде, герцога Энгиенского 21 марта 1804 г. (н.ст.) и разрыва дипломатических отношений с Францией вышеупомянутая литература была запрещена, а еще через два года началось активное развенчание прежнего положительного образа Наполеона.

В январе 1806 г. в Коллегии иностранных дел, подчиненной российскому МИД, появляется новое техническое подразделение – типография, продукция которой призвана на территории Европы оказать противодействие наполеоновской пропаганде, стремившейся, в частности, помешать усилиям России по формированию новой антифранцузской коалиции. С 1 октября 1806 г. МИД начинает также выпуск собственной

еженедельной франкоязычной газеты «Journal du Nord» («Северная газета»), подчиненной практически тем же целям. В 1806–1807 гг. в России выходят многочисленные антинаполеоновские памфлеты и брошюры, как отечественного, так и переводного происхождения. Все они содержат резкую критику внешней и внутренней политики Наполеона (французский император – агрессор, одержимый «неуемной жадной расширением», «тиран и узурпатор»), нападки на его личность и на французскую нацию в целом, а также обоснования необходимости коалиционных войн⁴.

Приняв решение о созыве ополчения, Александр I счел необходимым показать народу освободительный характер войны, идущей за пределами Отечества. В Высочайшем манифесте от 30 ноября 1806 г. «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции», характеризую причины войны, император отметил «властолюбие и алчность правительства, возникшего во Франции» и исходящую от него угрозу «опустошения всей Европы». Подчеркнув, что неприятель «в изданных им прокламациях простирает дерзость свою так далеко, что грозит вторжением в самые пределы наши», Александр выразил надежду на то, что российский народ, движимый «ревностнейшею любовью к Отечеству», поддержит принимаемые властью чрезвычайные меры⁵. Особым указом от 6 декабря 1806 г. император обратился к Святейшему Синоду с поручением объяснить народу, насколько «ополчение сие для спасения Отечества необходимо».

Выполняя предписание царя, Русская Православная Церковь сразу приняла резко обличительный тон и придала противоборству России и Франции религиозный характер. В специальном объявлении Святейшего Синода от 15 декабря 1806 г., читавшемся во всех храмах Российской империи, Наполеон представлялся не только как узурпатор, поработитель человечества, «неистовый враг мира и благословенной тишины», но и как отступивший от Бога гонитель Христианской Церкви. В документе отмечались неоднократные прагматичные манипуляции Наполеона с религией – участие в революционных «идолопоклоннических празднествах», желание принять ислам во время Египетской кампании. Особое внимание обращалось на предстоявший созыв в Париже Великого синодариона: «Наконец, к вящему посрамлению Церкви Христовой, созвал во Франции Иудейские синагоги, повелев явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин (синодарион. – Л.М.). Еврейский, сей самый Богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа – и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на ниспровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение» в его лице «лжемессии»⁶. 25 января 1807 г. с аналогичным посланием выступил митрополит римско-католических церквей в России Станислав Богуш-Сестренцевич⁷.

Великий синодарион, заседавший в Париже с 9 февраля по 9 марта (н.ст.) 1807 г. (о его созыве было официально объявлено 6 октября 1806 г.) и призванный, по мнению французского императора, преодолеть национальную обособленность проживавших во Франции евреев, действительно сыграл значительную роль в рождении легенды о демонической сущности Наполеона. Дело в том, что Великий синодарион (высшее религиозное учреждение Древней Иудеи), осудивший в свое время на распятие Иисуса Христа, не созывался полтора тысячелетия. По существовавшему преданию, вновь собравшийся синодарион должен был ознаменовать приход Антихриста. Согласно христианской эсхатологии, именно Антихрист будет признан как мессия иудеями, отвергшими истинного Мессии – Иисуса Христа. Неудивительно, что христианский мир встретил созыв Наполеоном синодариона очень настороженно. При этом если большинство европейских государств ограничились простым замалчиванием этого события, то в России Православная Церковь объявила о нем всенародно, дав соответствующую оценку.

Религиозно-мифологические настроения появляются в это время в русской поэзии, которая живо откликается на военно-политические события. Так например, ведущий поэт того времени Г.Р. Державин зимой 1807 г. по поводу сражения при Прейсиш-Эйлау пишет оду «Персей и Андромеда»⁸. В начале произведения он излагает содержание из-

вестного древнегреческого мифа: храбрый Персей, слетевший с Олимпа на крылатом коне, спасает от страшной смерти прикованную к скале Андромеду. Нападающее на нее чудовище, пораженное «священным мечом» Персея, наделяется самыми фантастическими, почти «апокалипсическими» чертами: это вышедший из ада «дивий вол, иль преисподний зверь // Стальночешуйчатый, крылатый, // Серпокогтистый, двурога-тый». Затем объясняется аллегорический смысл оды: в образе Андромеды представлена Европа, Персея – Россия, чудовища – Наполеон: «Не зрим ли образа в Европе Андромеды, // Во Россе бранный дух, Персея славны следы, // В Наполеоне баснь живого Саламандра, // Ненасытима кровью»⁹. Интересно, что имя французского императора прямо упоминалось лишь в самом первом, отдельном издании оды 1807 г. Во всех последующих изданиях, вышедших уже после заключения Тильзитского мирного договора, слово «Наполеон» было заменено на термин «Губитель» («В Губителе мы баснь живого Саламандра») ¹⁰. При этом термин этот опять-таки был выбран поэтом не случайно. Дело в том, что в переводе на греческий «губитель» звучит как «Аполлион». Это имя, безусловно, созвучное с Наполеоном, в христианстве (в частности, в «Апокалипсисе») носит демон истребления, разрушения и смерти. В заключении произведения несколько раз рефреном повторяются слова: «Знайте, языки, страшна колосса: // С нами Бог, с нами, – чтите все Росса!»¹¹.

В большом ходу были также сатирические стихотворения, написанные народно-прибаутчным языком. Например, на ту же победу при Прейсш-Эйлау неизвестный автор писал: «Лже-Мессия угоревший // Лыжи тотчас наострил // И, грибка два у русских съвши, // Рыло прочь отворотил»¹². В том же духе высказывался другой поэт, также оставшийся неизвестным: «Белины он обожрался: // Против Бога поднял нос, // И Мессиею назвался. // Экой змей-горыныч-пес! //... // Право, братцы, – Бог будь с нами! // Дыбом волосы встают, // Видно, дружен он с чертями, // В рудокопнях что живут»¹³.

После заключения Тильзитского мирного договора антинаполеоновская пропаганда временно прекратилась. С началом Отечественной войны 1812 года она возобновилась с новой силой, при этом вновь востребованной оказалась и идея о демонической сущности Наполеона. Огромные масштабы иноземного вторжения и высокая степень опасности требовали осмысления природы этого вторжения для выработки оптимальных способов борьбы с ним. Важное значение получает в это время тезис о том, что России самим Провидением предназначено остановить злодеяния безбожного Наполеона и освободить от него Европу. В самые первые дни войны среди солдат 1-й Западной армии полковыми священниками была распространена информация из письма профессора Дерптского университета В.Ф. Гецеля, присланного военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Она представляла собой каббалистическое изъяснение двух мест из «Апокалипсиса». Применяв к французскому алфавиту принцип «еврейского число-изображения», где первые десять букв обозначают единицы, а прочие – десятки, и, сложив все числа, входящие в словосочетание «L'Empereur Napoléon» (император Наполеон), Гецель получил «звериное число 666». «Апокалипсический зверь», как известно, отождествляется христианской эсхатологией с Антихристом. Согласно «Апокалипсису», власть зверю будет дана на 42 месяца. Этим числом Гецель объяснял падение Наполеона в 1812 г., ибо в то время ему уже исполнилось 42 года. Написав число 42 прописными буквами («quarante deux») и применив к нему тот же принцип, Гецель получил то же «звериное число»¹⁴.

Исчисления Гецеля и размышления о созвучии имен Наполеона и «апокалипсического» Аполлиона имели в эпоху 1812 года довольно широкое распространение, причем оказывали влияние не только на простой народ, который, по словам современника, поручика И.Т. Радожицкого, «не иначе о нем разумел, как об Антихристе», но нередко – и на представителей дворянства. Приведу несколько примеров. По воспоминаниям того же Радожицкого, один из служивших с ним нестроевых офицеров еще до перехода Великой армии через Неман под влиянием чтения Священного Писания проповедовал, что «Антихрист, сиречь Аполлион или Наполеон, собрал великие, нечистые

силы около Варшавы... для того, чтобы разгромить матушку-Россию; что при помощи Сатаны Вельзевула, невидимо ему содействующего, враг непременно полонит Москву, покорит весь русский народ, а за тем вскоре последует светопреставление и страшный суд»¹⁵. «Апокалипсическими» чертами в 1812 г. вновь наделил Наполеона Державин. В лиро-эпическом гимне «На прогнание французов из Отечества», где война наполеоновской империи с Россией представлена как борьба тьмы со светом, зла с добром, нечестия с православием, Наполеон изображен вышедшим из бездны «таинственных числ зверем», «в плоти седьмглавым Люцифером, о десяти рогах венчанным», драконом или «демоном змеевидным»¹⁶. Наконец, в 1814 г. на «исчисления Дерптского профессора Гецеля» при анализе имени Наполеона прямо сослался автор популярного памфлета «Дух Наполеона Бонапарте...»¹⁷. Спустя полвека эти настроения, имевшие место в русском обществе, отразит на страницах «Войны и мира» Л.Н. Толстой, когда «звериное число 666» в имени французского императора обнаружит его любимый герой граф Пьер Безухов.

В июне 1812 г. российское правительство учредило при Главной квартире 1-й Западной армии Военно-походную типографию, которая стала армейским агитационным центром. Директорами походной типографии были назначены профессора того же Дерптского университета А.С. Кайсаров и Ф.Э. Рамбах, выдвинувшие идею о ее создании еще весной 1812 г. Типография выпускала так называемые «летучие издания» (или листовки), распространявшиеся среди населения (как российского, так и позже – немецкого) и войск (как российской армии, так и неприятельской). Чаше всего листовки содержали информационные сообщения о ходе военных действий и анализ определенных этапов кампании; они противостояли интерпретации тех же событий, содержащейся в «Бюллетенях Великой армии», и тем самым выполняли функцию контрпропаганды. Нередко листовки содержали обращения к жителям оккупированных губерний с призывом к сопротивлению, а также воззвания к солдатам и офицерам противника с приглашением переходить на русскую службу¹⁸.

6 июля 1812 г. перед тем, как оставить армию и вернуться в столицу, Александр I издал манифест «О сборе внутри государства земского ополчения». Царь обратился ко всем своим подданным, «ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским», приглашая их «единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений». Он предлагал поражать неприятеля «на каждом шаге» «всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам». Манифест содержал знаменитую фразу: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»¹⁹.

Решение императора поддержала Церковь. Святейший Синод выпустил воззвание, которое вместе с манифестом читалось во всех храмах страны. В нем развивались идеи, выраженные в объявлении 1806 г. Подчеркивалась связь происходивших событий с революцией 1789 г. (первопричиной всех бедствий), во время которой французский народ казнил законного короля Людовика XVI и осквернил собственные храмы, чем заслужил проклятие Бога, распространившееся также и на те страны, которые последовали за Францией. Наполеон именовался «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», который «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим, и на благолепие храмов Божиих простирает хищную руку». Наступившая война осознавалась как «искушение», нависшее над Россией, которое она должна преодолеть с Божьей помощью и еще больше утвердиться «в уповании на Промысел». Церковь призывала прихожан «принять оружие и щит» и «охранить веру отцов»²⁰.

По свидетельству современников, обращения к народу, читавшиеся с церковных амвонов, оказывали существенное влияние на настроение широких масс. Например, ростовский городской голова М.И. Маракуев отмечал, что эти обращения «чрезвычайно были любезны публике, а воззвание Святейшего Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истиною»²¹. Прямо противоположное впечатление производили манифест царя и воззвание Синода на представителей Великой армии, которым вскоре

также стало известно их содержание. Идеи, выраженные в этих документах, заставили многих наполеоновских офицеров еще во время отступления русской армии усомниться в победоносном завершении предпринятого ими похода. Например, лейтенант О. Рёдер фон Бомсдорф писал, что многие французские офицеры увидели в манифесте Александра I «призыв к бесконечной войне». «Как и когда, говорили они, будет закончена борьба с самодержцем девятой части земли, который призвал... своих подданных истреблять нас любыми, находящимися в их распоряжении средствами»²².

На самом деле Александр I действительно с первых дней войны свел на нет самую возможность победы Наполеона. Этому способствовало его непоколебимое решение не заключать мир и не вступать в переговоры с противником до тех пор, пока на территории России останется хотя бы один неприятельский солдат. Ни поражения начального периода войны, ни оставление Москвы, ни ропот в придворных кругах не изменили твердую решимость Александра, проигнорировавшего несколько мирных предложений французского императора, что стало в конечном итоге одной из главных причин будущего триумфа России.

В ходе войны Александр I неоднократно обращался к церковным иерархам с просьбой поддержать в народе религиозно-патриотический подъем. Так например, в июле 1812 г. во время посещения Москвы он поручил епископу Дмитровскому Августину (Виноградскому), осуществлявшему фактическое руководство Московской епархией из-за болезни митрополита Платона (Левшина), сочинить «Молитву об изгнании врагов из Отечества». Текст молитвы император лично просмотрел и одобрил, после чего он был напечатан в Московской синодальной типографии и разослан по монастырям и церквям епархии для ежедневного чтения с коленопреклонением на литургии. Молитва содержала горячий призыв к Богу «укрепить государя императора Александра I», «благословить его начинания и дела», «утвердить царство его», «сохранить воинство его» и «подать ему победу на врага»²³. Перед отъездом из Москвы Александр I пожаловал Августину «за труды и рвение» орден Св. Александра Невского. В том же июле 1812 г. при организации в Смоленской губ. движения самообороны Александр I направил епископу Смоленскому Иринею (Фальковскому) рескрипт, в котором говорилось о необходимости для священнослужителей «внушениями и увещаниями своими ободрять» жителей губернии и не только «отвращать их от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг и вера христианская, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружиться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и всюду истребляли их и вместо робости наносили им великий вред и ужас»²⁴.

Православное духовенство активно включилось в борьбу с врагом. Священно- и церковнослужители не только призывали прихожан к защите храмов, но и сами участвовали в движении сопротивления, порой являясь даже организаторами и руководителями крестьянских отрядов самообороны. Например, во главе таких отрядов в 1812 г. находились: священник с. Крутая гора Юхновского уезда Смоленской губ. Григорий Лелюхин, священник Рождественского собора г. Верея Московской губ. Иоанн Скобеев, протоиерей с. Любунь Мосальского уезда Калужской губ. Яков Чистяков и др.²⁵ Церковная проповедь о безбожии противника и необходимости защиты святой веры в глазах народа подтверждалась и поведением завоевателей. С первых шагов по российской территории солдаты Великой армии принялись грабить православные храмы и монастыри. В большинстве своем равнодушные к собственной религии²⁶, они, как правило, не церемонились с национальными традициями русского народа. При этом если в Литве и Белоруссии грабежи носили единичный характер, то в центральной России (в Смоленской, Московской и Калужской губерниях) они стали массовыми. От грабежа наполеоновские солдаты часто переходили к прямому осквернению православных святынь – кололи на дрова иконы, стреляли в лики святых, превращали храмы в провиантские магазины, конюшни и скотобойни. В общей сложности в центральных губерниях было разорено более половины всех существовавших на оккупированных землях церквей²⁷. Вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и спо-

существовал расширению движения народного сопротивления, носившего во многом религиозный характер.

Особое впечатление произвела на русское общество судьба Москвы. После взятия и осквернения первопрестольной столицы русская пропаганда совершенно перестала стесняться в выражениях для характеристики противника. Например, в особом «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября 1812 г., составленном по достоверным данным и по Высочайшему повелению обнародованном в церквях, прямо заявлялось, что определение «неприятель» является для представителей Великой армии слишком «обыкновенным и недостаточным», ибо их поведение недостойно не только просвещенного народа, но даже дикарей, проявляющих в подобной ситуации «только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению того, чего они взять с собой не могут». Подражание Франции, имевшее место накануне войны, признавалось ошибочным и говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи, возвратившись к чистоте и непорочности «наших нравов». Франция и Россия противопоставлялись друг другу как «безбожие» и «благочестие», как «порок» и «добродетель», война между которыми должна вестись до победного конца²⁸. В «афишах» московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина, оказывавших, по словам современников, на население «огненное, непреборимое действие», Наполеон именуется терминами «гадина заморская», «враг рода человеческого», «наказание Божие за грехи наши», «дьявольское наваждение», «некрещеный враг», душе которого быть в аду и «гореть в огне, как горела наша мать Москва»²⁹. После Великого Московского пожара С. Новиков пишет сочинение «Видение наяву и разговор Н[аполеона] с С[атаной]...», которое вышло под псевдонимом «Отставной русский на степи» и имело широкое распространение³⁰. В нем злодеяниям Наполеона удивляется (хотя и приятно) сам дьявол, который признает, что французский император превзошел всех прежних его избранников – Калигулу, Нерона и др. Особо подчеркивается безбожие и непомерная гордыня Наполеона, который якобы гордо заявляет: «Ни Бога, ни людей я не щажу никак; // Один хочу быть я, – а прочее – пустяк. //... // На Бога даже зол! – Пред Ним ли унижаться? // Что я не Он, за то готов и с Ним сражаться»³¹.

В это время издаются десятки карикатур, на которых Наполеон изображен в демоническом облике, с рогами и хвостом, или стоящим рядом с Сатаной и чертями. Подобные карикатуры в период наполеоновских войн создавались не только в России, но также в Англии и Германии. В виде Сатаны с горящим факелом в руках французский император был показан на раскрашенной гравюре, изображавшей план Москвы с указанием сгоревших домов.

К осмыслению сущности происходивших событий, сравнительному анализу личностных, в том числе религиозных, качеств двух столкнувшихся в непримиримой схватке императоров, а также принципов проводимой ими политики, обращаются в 1812–1814 гг. авторы многочисленных памфлетов и других публицистических сочинений. Наиболее популярными произведениями были «Дух Наполеона Бонапарте...», «Русские и Наполеон Бонапарте»³² и др. Почти все памфлеты выходили анонимно или под псевдонимом, при этом авторами их нередко выступали представители русской дворянской интеллектуальной элиты: С.С. Уваров, А.Я. Булгаков и др. Прежде всего, как правило, подчеркивалась разница социального происхождения двух монархов и легитимность их власти. Наполеон – безродный корсиканец, «сын нищеты», «наследник революции», восхождение которого на престол древних французских королей является аномалией, нарушением должного порядка вещей. Александр I – законный государь и помазанник Божий, авторитет которого опирается не на завоевания, а на издревле существующие в государстве законы и традиции. Так например, автор памфлета «Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом» вложил в уста своего героя следующую фразу: «Наш народ имеет своего царя, и царя не пришлеца, не возникшего из ничтожества, но царя порфирородного, царя, данного ему от Бога и ни от кого, кроме Бога, не зависящего, который имеет свои законы, свою веру, свои земли,

свои права и преимущества и свою славу, чрез военные и гражданские добродетели веками приобретенную»³³.

Практически все памфлетисты отмечали безнравственность Наполеона, его непомерное властолюбие, лицемерие, тиранство, агрессивность, цинизм и беспринципность. Например, в памфлете «Письменное наставление Наполеона своему историографу» французский император заявляет: «Я великий волшебник и имею при себе надежнейшие талисманы; они состоят в принятых мною правилах: раздели – и повелевай; дай, и потом отбери все; сила – дело, а деньги – два»³⁴. Автор «Духа Наполеона» обличает Бонапарта за то, что он «не имеет ни малейшего понятия о приличностях в политике, которые во всякое другое время были сферою всех европейских дворов»³⁵. Уваров в сочинении «Император Всероссийский и Бонапарт» противопоставляет беззакониям Наполеона добродетели российского государя Александра, политика которого соответствует христианским нравственным принципам: «Одерживать победы, сжигать города, рассеивать раздоры, возбуждать междоусобия, принуждать к миру – вот дела обыкновенных завоевателей! Освобождать народы, свергать гнусных тиранов, восстанавливать повсюду законную власть, действовать в звании царя, исполнив долг рыцаря на бранном поле, быть человеком на самом неограниченном троне вселенной, на вершине величия преклоняться пред Провидением, в скромности и простоте отвергать раболепство, убегать собственной своей славы – вот подвиги Александра»³⁶. Автор памфлета «Мысли Наполеона при вступлении в Москву» изображает в качестве одной из главных «страстей» Наполеона Безбожие, которое изгоняет отвергаемую Наполеоном Совесть: «Прочь с глаз наших, слабая советница, все усилия твои бессильны поколебать решимость нашу. Удались к русским, полагающим в тебе свое Божество»³⁷. Это противопоставление безбожной, отвергающей нравственные принципы наполеоновской Франции и православной, руководствующейся велениями совести России красной нитью проходит практически через всю русскую антинаполеоновскую публицистику.

Те же мысли пронизывают и поэзию военного времени, при этом авторы лиро-эпических произведений, характеризуя противника, часто заменяют термин «безбожный» на «демонический» и объясняют победу России над врагом заступничеством Божественного Провидения. Например, Державин в упоминавшемся гимне «На прогнание французов из Отечества» ставит на пути «змеевидного демона» Наполеона, шествующего по земле в сопровождении подчиненных ему ехидн и сеющего повсюду смерть, императора Александра, который изображен как «агнец белоруный, смиренный, кроткий, но челоперуный». Царь поднимает народ на борьбу за веру, против «врагов Христовых». «Александров глас наш дух вознес: // Прибег он в храм – и стал бесстрашным Росс. // Упала демонская сила». Увидев «святость Александра трона» и «лесть Наполеона», россам помогает Бог, что и решает исход кампании³⁸. Подобным образом Отечественная война 1812 года представлена в оде П. Кутузова «На истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества», где изображена схватка демона и ангела, образы которых символизируют соответственно Наполеона и Александра. В 1814 г., после падения французского императора, победу света над тьмой провозгласил Н.М. Карамзин: «Конец победам! Богу слава! // Низверглась адская держава: // Сражен, сражен Наполеон! //... // Есть правды Бог: тирана нет! // Преходит тьма, но вечен свет»³⁹.

Победа над Наполеоном была воспринята многими современниками как результат действия Божественного промысла, избравшего своим орудием Россию и ее императора. Более того, окончание наполеоновских войн рассматривалось как начало обновления всей Европы, в котором Россия и, конечно, Александр I призваны сыграть ведущую роль. Сам российский император, познавший, по его собственному признанию, в 1812 г. Бога, в данное время был сильно подвержен религиозным настроениям. Уже 25 декабря 1812 г. в Высочайшем манифесте, изданном по случаю изгнания неприятеля из пределов Отечества, в качестве главной причины победы была названа помощь Бога: «Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующего над войсками нашими

знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, ни вообще у всего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. И так да познаем в великом деле сем промысел Божий»⁴⁰. В другом манифесте от того же числа объявлялось о намерении императора соорудить храм во имя Спасителя Христа «в ознаменование благодарности... к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»⁴¹. Та же мысль кратко и емко была выражена в надписи на реверсе серебряной медали, учрежденной 5 февраля 1813 г. для участников Отечественной войны: «Не нам, не нам, а имени Твоему». Отмечу, что первоначальный проект медали предусматривал изображение императора (согласно существовавшей в Российской империи традиции), но Александр в последний момент повелел заменить свой портрет на указанную библейскую фразу, лишний раз подчеркнув свое преклонение перед Провидением⁴².

30 августа 1814 г. «для принесения Всемогущему Богу теплых и усердных молитв за избавление державы нашей от лютого и сильного врага, и в прославление в роды родов сего совершившегося над нами Промысла и милости Божией» император Александр I постановил проводить в день Рождества Христова ежегодное празднество, получившее официальное наименование «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов, и с ними двадцати язык»⁴³. В этот день после окончания Литургии было решено совершать особое благодарное молебствие с коленопреклонением при чтении специально составленной на этот случай молитвы. Текст молитвы был написан архимандритом (впоследствии митрополитом Московским) Филаретом (Дроздовым), утвержден императором Александром I, после чего напечатан «по числу церквей и монастырей» и разослан по всей Российской империи⁴⁴. Через год, «проникнувшись сознанием благодати, осенившей Россию», Александр решил «организовать международные и политические отношения на учении Евангелия»⁴⁵. 14 сентября 1815 г., в день праздника Воздвижения Креста Господня, по инициативе Александра I монархи России, Австрии и Пруссии подписали акт о Священном союзе, ставший первой в мировой истории попыткой реализовать политическую концепцию «объединенной Европы» – обеспечить мир, стабильность и коллективную безопасность путем совместного решения основных международных проблем.

Что касается «христианских добродетелей» Александра I, которые в 1812–1814 гг. так воспевали авторы многочисленных публицистических и поэтических сочинений, то они действительно в полной мере проявились во время Заграничных походов. Российского императора, вернувшегося в это время в армию и сыгравшего выдающуюся роль в ходе и блестящем завершении войны (он фактически возглавил VI антифранцузскую коалицию, постоянно сглаживал трения между союзниками, разработал единую стратегию союзных войск и неоднократно предлагал верные тактические решения⁴⁶), интересовали не только военные и политические победы, но и нравственная сторона происходивших событий. Показательно его воззвание к воинам русской армии при их вступлении на территорию Франции: «Воины! Мужество и храбрость ваши привели вас от Оки на Рейн. Они ведут вас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которой ведем кровопролитную, жестокую войну... Неприятеля, вступая в середину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простерту для примирения руку. Слава россиянина – низвергать ополченного врага и по исторжении из рук его оружия, благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему учит нас свято почитаемая в душах наших православная вера. Она божественными устами вещает нам: “Любите враги ваша и ненавидящим вас творите добро”. Воины! Я, несомненно, уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите ее великодушием своим, сколько оружием»⁴⁷. В сражении при Фер-Шампенуазе (13 марта 1814 г.) Александр I с риском для собст-

венной жизни бросился только в сопровождении конвоя в центр французских каре, чтобы остановить резню и пощадить поверженных солдат противника. Перед вступлением во французскую столицу российский император обратился к парижанам с декларацией, возвещавшей, что во Франции у него есть «только один враг» (Наполеон), в отношении которого он «непримирим», и что он не желает зла французскому народу⁴⁸. Взятие Парижа было превращено Александром I в настоящее духовное торжество. Он не только спас город от разграбления, но и организовал 29 марта 1814 г., в первый день Пасхи, торжественное молебствие на парижской площади Согласия, на месте казни французского короля Людовика XVI.

Необходимо отметить, что многие современники, особенно французы, накануне вступления русских войск в столицу Франции ожидали мести Парижу за сожженную Москву. Поэтому великодушное поведение победителей вызывало нескрываемое изумление. Общее настроение выразил в то время юный А.С. Пушкин в лицейском стихотворении «Воспоминания в Царском Селе»: «В Париже росс! – где факел мщенья? // Поникни, Галлия, главой. // Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья // Грядет с оливою златой. // Еще военный гром грохочет в отдаленье, // Москва в унынии, как степь в полнощной мгле, // А он – несет врагу не гибель, но спасенье // И благотворный мир земле»⁴⁹. Участник и очевидец событий Н.И. Тургенев писал позднее, что «в то время император Александр, несомненно, проявил благородные и прекрасные черты характера; напрасно было бы искать в истории другой пример такого великодушия и благородства со стороны победителя»⁵⁰.

Вступление Александра I во главе союзных войск в Париж 19 марта 1814 г. стало апогеем его величия и славы. Н.И. Тургенев подчеркивает, что именно российский монарх «возбуждал энтузиазм парижан; других государей практически не замечали. Даже когда видели их всех вместе, все равно кричали: «Да здравствует император Александр!»»⁵¹. «Странную картину являл в то время сей большой город, – пишет он. – Врагов, вступивших в него с оружием в руках, большая часть населения столицы приветствовала как освободителей, и это в то время, когда в мире еще гремела слава французов... Правда, сложившиеся обстоятельства объясняют (если не оправдывают) заблуждение, охватившее умы парижан. С одной стороны, все устали от войны; с другой – победители всеми возможными средствами старались заставить забыть о своей победе»⁵².

Слава Александра I гремела тогда по всему миру. Его называли «северным Агамемноном», «царем царей», «освободителем Европы», «спасителем Вселенной», «ангелом мира». Отмечая достоинства российского императора, его нередко возносили до высот небожителя. Так например, П.А. Вяземский писал: «Муж твердый в бедствиях и скромный победитель! // Какой венец ему? Какой ему алтарь? // Вселенная! Пади пред ним: он твой спаситель! // Россия! Им гордись: он сын твой, он твой царь!». Это четверостишие было обыграно в ходе проведения в Москве 19 мая 1814 г. празднеств по случаю взятия союзными войсками Парижа. Во время осуществления театральной постановки пьесы А.М. Пушкина⁵³ «Храм бессмертия» стихи Вяземского яркими литерами светились под бюстом Александра, установленном на высоком, богато украшенном пьедестале посреди воображаемого храма. Два гения держали над ним маслянную и миртовую ветви, на жертвенниках курился фимиам. Героиня, изображавшая Россию, преклонила перед ним колени⁵⁴.

Широкое хождение получило исчисление, сделанное директором саратовских училищ А.И. Шестаковым. Переведа буквы изречения «И посла мирови Ангела кротости» в цифровое значение, он получил сумму чисел, равную 1777 – году рождения императора. Сложение чисел, составляющих год, число и месяц рождения Александра, дало 1801 – год его вступления на престол⁵⁵. Впоследствии, уже после смерти императора, размышления над приведенной фразой и попытки найти в датах, составляющих важнейшие вехи его жизни, какой-то дополнительный магический смысл продолжались. Так например, сохранилась записка (авторство не установлено), где, помимо вышеназванного, приводится еще одно исчисление: сумма цифр, входящих в состав годов его

рождения, вступления на престол и смерти, составляет 48, что соответствует числу прожитых им лет⁵⁶. Позднее появилась маловероятная версия, что загадочную фразу «И посла мируи Ангела кротости» сказал Александру некий схимник из Александроневской лавры, благословляя императора на совершение очередного паломничества.

3 августа 1814 г., вскоре после возвращения Александра I в Россию, Святейший Синод, Государственный Совет и Сенат на общем чрезвычайном собрании вынесли постановление: в качестве выражения императору «дани всеобщей признательности за прославление Отечества» поднести ему титул «Благословенный», выбить в его честь медаль и воздвигнуть в столице памятник с надписью «Александру Благословенному, Императору Всероссийскому, Великодушному Держав Восстановителю от признательной России»⁵⁷. Однако Александр из «чувств скромности и смирения духа» отказался принять «имя самое для» него «лестнейшее» и попросил «государственные сословия оставить» вынесенное постановление «без всякого исполнения»⁵⁸. Несмотря на отказ императора, титул «Благословенный» прочно закрепился за ним.

Вернувшись в Россию, Александр I вообще попытался пресечь поток восхвалений. Он даже отменил торжественную встречу, которую готовили ему в столице. Для этой цели был разработан подробнейший церемониал, предусматривавший трехдневные празднества с пушечной пальбой, колокольным звоном и иллюминацией, а также по проекту Д. Кваренги на границе Санкт-Петербурга построены великолепные Триумфальные ворота из дерева и гипса. Однако рескрипт императора главнокомандующему в Санкт-Петербурге генералу С.К. Вязмитинову от 7 июля 1814 г. заставил столичные власти отменить все планируемые мероприятия и разобрать воздвигнутые ворота: «Сергей Козмич! Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их еще менее приличными ныне. Един Всевышний причиной знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед ним все должны мы смиряться. Объявите повсюду мою непременную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать»⁵⁹. В результате праздник в честь венценосного победителя состоялся только в Павловске. На его устройство, несмотря на запрет Александра I, решилась вдовствующая императрица Мария Федоровна. Здесь была представлена интермедия и пропета кантата Державина «Ты возвратился, благодатный, // Наш кроткий ангел, луч сердец!».

Памятник Александру был воздвигнут в Санкт-Петербурге уже после его смерти по повелению нового императора Николая I. Им стала упоминавшаяся выше Александровская колонна. Лицу ангела, чья фигура венчает стройную колонну из красного гранита, скульптор Б.И. Орловский придал портретное сходство с императором Александром. Ангел попирает крестом змею, символизирующую поверженного «Антихриста» – Наполеона. В 1830 г. по рисунку Монферрана была отлита медаль с изображением проекта Александровской колонны, по ее краю помещена надпись «Александру Благословенному благодарная Россия». Как показано выше, образ ангела неоднократно связывался с личностью Александра еще при его жизни, в императорской семье это было его прозвищем, данным ему обожавшей его бабушкой Екатериной II. Сразу после кончины императора была широко растиражирована фраза, сообщенная из Таганрога Елизаветой Алексеевной матери Александра Марии Федоровне: «Наш ангел в небесах». Она мгновенно облетела всю Россию, ее печатали в некрологах, помещали на многочисленных изображениях почившего императора.

В середине XIX в. появилась версия, что на самом деле император Александр не умер, а, оставив трон и светскую жизнь, стал странником по имени Федор Кузьмич. Этот таинственный странник, скончавшийся в январе 1864 г. в четырех верстах от Томска, был удивительно похож на покойного императора, обладал обширными познаниями, был прекрасно осведомлен о столичной и даже придворной жизни. Он хранил в тайне свое настоящее имя, вел уединенный образ жизни, был чрезвычайно набожен, но никогда не исповедовался и не причащался, говоря загадочно, что не может ходить к причастию, потому что уже отпет. Версия о тождестве Александра I и Федора Кузьмича, не будучи ни доказанной, ни опровергнутой, существует в историографии на уров-

не легенды. У нее есть масса сторонников и масса противников. На эту тему «сломяно немало копий», написаны десятки трудов, но вопрос до сих пор остается открытым. В любом случае можно с уверенностью сказать, что в культурной памяти России образ Благословенного императора – победителя Наполеона – логично дополнился образом святого старца. В 1984 г. Феодор Томский был канонизирован Русской Православной Церковью как местночтимый святой.

Таким образом антинаполеоновская пропаганда, активное участие в войне 1812 года Русской Православной Церкви, придавшее ей несомненный религиозный колорит, а главное – в целом разница мировоззрений, менталитетов противоборствующих сторон, т.е. другими словами, различие двух столкнувшихся цивилизаций привели к тому, что война эта вошла в историческую память русского народа не только как Отечественная, но и как священная война. Победа России над наполеоновской Францией была воспринята многими как победа христианства и традиционно-консервативных ценностей над европейским «безбожием» и идеями Просвещения XVIII в., породившими Французскую революцию. Автор популярного в то время сочинения «Русские и Наполеон Бонапарте» А.Я. Булгаков писал, что французская армия потерпела в России поражение, потому что «была окружена народом, во всех отношениях единственным: религией, языком, обычаями и нравственностью, коему ни Наполеон, ни его невидимая армия иллюминатов не могли внушить коварных и пагубных учений»⁶⁰. Этот мотив национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа получил широкое распространение и развитие в русской философии XIX в. Подъем национального самосознания, наступивший в русском обществе после победы над Наполеоном, вскоре нашел отражение в формулировке российской государственной доктрины «Православие, самодержавие, народность». Что касается личностей двух императоров, то со временем произошла метаморфоза, которая в первой половине XIX в. многим современникам показалась бы аномалией: заслуги Александра I постепенно подверглись забвению, а образ Наполеона, наоборот, стал героизироваться.

Примечания

¹ Все даты, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по старому стилю.

² Подробнее см.: *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 60–83.

³ К литературе подобного рода можно отнести произведения: Жизнь и подвиги Буонапарте, начиная с первых его успехов в воинском искусстве до совершенного покорения Египта, с присовокуплением описаний похода его в Сирию, осады Акры и с изображением характера и свойств Буонапарте, с портретом. Изд. 2. М., 1801; История первого консула Бонапарте со времени его рождения, до заключения Люневильского мира. СПб., 1802; Некоторые замечания о первых годах Бонапарте. Собранные и выданные на Аглинском одним из его соучеников. М., 1802; Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем Герое. М., 1803. Первые три книги представляли собой перевод французских изданий.

⁴ К подобным изданиям относятся сочинения: Наполеон Бонапарте и народ французский. В двух частях. М., 1806; Французы в Вене или Описание всех происшествий и поступков Бонапарте и войска его в Австрии, их там преступлений, опустошений, обманов и грабительств. СПб, 1807; Вот каковы Бонапарте и народ французский. Сочинено в Англии. СПб., 1807; Тайная история нового французского двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудского кабинета в Париже. СПб., 1807; и др. Первые две книги переведены с немецкого.

⁵ ПСЗ-1. Т. 29. № 22374.

⁶ Там же. № 22394; см. также: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. Приложения. С. 301.

⁷ См.: *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1897. Приложения. С. 359–361.

⁸ В рукописи к заглавию было прибавлено: «Кантата на победу французов Русскими». Данное сражение закончилось практически вничью, однако обе стороны приписали победу себе. К тому же полководческий авторитет Наполеона был столь высок, что любое не выигранное им явно сражение расценивалось как проигрыш.

- ⁹ *Державин Г.Р.* Персей и Андромеда: Кантата на победу французов русскими 1807 года. СПб., 1807.
- ¹⁰ См.: *Державин Г.Р.* Персей и Андромеда // *он же.* Сочинения. В 9 т. Т. II. СПб., 1865. С. 612–617.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Цит. по: *Грунский Н.К.* Наполеон I в русской художественной литературе // *Русский филологический вестник.* 1898. Т. 40. № 3–4. С. 208.
- ¹³ Там же. С. 207.
- ¹⁴ РГИА, ф. 806, оп. 1, д. 2156, л. 2–3; см. также: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. Приложения. С. 307–308.
- ¹⁵ *Радожницкий И.Т.* Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. С. 16–17.
- ¹⁶ *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // *он же.* Сочинения. В 9 т. Т. III. СПб., 1866. С. 137–164.
- ¹⁷ *Дух Наполеона Бонапарте или Жизнь и ужасные деяния его, начиная со дня рождения до 1814 года. Собрано с показаний очевидцев и достовернейших политических иностранных и отечественных авторов. Вновь испр. и доп. Ч. 1–3.* СПб., 1814. С. 8.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов.* М., 1962; *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967.
- ¹⁹ ПСЗ-I. Т. 32. № 25176.
- ²⁰ РГИА, ф. 796, оп. 93, д. 627, л. 15; см. также: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. Приложения. С. 303–305.
- ²¹ *Записки Маракуева // Наполеон в России глазами русских.* М., 2004. С. 36.
- ²² *Röder von Bomsdorf O.W.* Mittheilungen. Т. I. Leipzig, 1816. S. 111–112.
- ²³ Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. СПб., 1856. С. 47–49.
- ²⁴ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 45.
- ²⁵ Подробнее см.: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. С. 110–115, 183.
- ²⁶ Об отношении французских солдат к религии наглядно свидетельствует письмо аббата А. Сюрюга, отправлявшего службу в церкви Св. Людовика Французского в Москве в сентябре-октябре 1812 г. За все время пребывания французов в Москве, в церкви, где служил аббат, появилось только четверо или пятеро офицеров из старинных французских фамилий; из 12 тысяч воинов Великой армии, умерших в Москве, только двое были похоронены по христианскому обряду; единственным проявлением религиозности солдат, по словам Сюрюга, было желание окрестить детей, «в остальном религия для них пустой звук». (*Brett-James A.* 1812. Eyewitness accounts of Napoleons Defeat in Russia. L.; N.Y., 1966. P. 190). Не менее красноречиво повествуют об этом и воспоминания многих французских офицеров, в которых зафиксировано их мнение о молебне перед Смоленской иконой Божией Матери, состоявшемся в русском лагере накануне Бородинской битвы, а также сравнение настроений двух армий накануне генерального сражения. Религиозность русского народа они считали проявлением невежества, чувствуя себя носителями разума и цивилизации в стране варваров. Так например, А.Ж. Фэн писал: «Кутузов направил процессию всех чинов, чтобы явить знаменитое чудо, которое хранилось в Смоленске. Каждый солдат обращался с мольбой к символам мученичества, и все встали на колени, повторяя религиозный стих, чтобы обрести дух». Л.Ф. Лежен повествовал о том, что «русский генерал» возбуждал в солдатах религиозный фанатизм и «возил перед фронтом армии образ святого московитского епископа, творившего чудеса». «Когда русский военачальник увидел, что его солдаты достаточно растроганы этим необычным зрелищем, – писал Ф.П. Сегюр, – он возвысил голос и стал говорить им о небе, единственном убежище, которое остается рабам. Во имя религии и равенства он призывал этих закрепощенных защищать имущество их господ». Сравнивая русский лагерь с французским, Сегюр отмечал: «У французов не было ни военного, ни религиозного парада, никакого шмотра, они не прибегали ни к каким попыткам возбуждения. Французы искали подкрепления в самих себе, будучи уверены, что истинная сила и воинство небесное скрываются в человеческом сердце». (Цит. по: *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 67–68.)
- ²⁷ В Москве были разграблены 22 из 24 существовавших монастырей (за исключением Данилова и Новодевичьего) и 227 из 264 церквей, в Московской губ. – 4 монастыря и большая часть храмов. В Смоленской губ. было разграблено 6 монастырей и пострадало по разным данным 252 или 323 церкви; в Калужской губ. – 2 монастыря и 24 (по другим данным – 27) церкви. Подробнее см.: *Мельникова Л.В.* Указ. соч. С. 158–186.

²⁸ Собрание Высочайших Манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 50–57.

²⁹ *Борсук Н.В.* Рас топчинские афиши. Текст с примечаниями и предисловием. М., 1912. С. 94–96.

³⁰ Отставной русский на степи. Видение наяву и разговор Н... с С... после сожжения Москвы и подорвания части Кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую. СПб., 1812.

³¹ *Новиков С.* Видение наяву и разговор Наполеона с Сатанюю после сожжения Москвы и подорвания части Кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую. СПб., 1816. С. 9.

³² Русские и Наполеон Бонапарте. М., 1813.

³³ Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом. СПб., 1812. С. 10.

³⁴ Письменное наставление Наполеона своему историографу, как он должен писать его историю. Найдено на дороге во время путешествия Наполеона из Лейпцига в Париж. М., 1814. С. 21–22.

³⁵ Дух Наполеона Бонапарте... С. 34.

³⁶ *Уваров С.С.* Император Всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814. С. 41–42.

³⁷ Мысли Наполеона при вступлении в Москву или Разговор Совести с различными его страстями. СПб., 1813. С. 47.

³⁸ *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // *он же.* Сочинения. В 9 т. Т. III. С. 137–164.

³⁹ *Карамзин Н.М.* Освобождение Европы и слава Александра I // *он же.* Стихотворения. Л., 1966.

⁴⁰ Собрание Высочайших Манифестов... С. 97–98.

⁴¹ ПСЗ-І. Т. 32. № 25296.

⁴² *Бартошевич В.В.* В борении с Наполеоном. Нумизматические очерки. Киев, 2001. С. 8.

⁴³ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 226, л. 1.

⁴⁴ См.: «Последование благодарственного и молебного пения к Господу Богу, певаемого в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык» (РГИА, ф. 796, оп. 95, д. 789, л. 6, 64–65, 83, 105).

⁴⁵ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. I. Рига, 1886. С. 3.

⁴⁶ Распоряжения Александра I обеспечили победу под Кульмом (17–18 августа 1813 г.) и Лейпцигом (4 октября 1813 г.). В 1814 г. именно он убедил союзников вступить во Францию, а затем, не преследуя главные силы Великой армии, повернуть войска на Париж, что решило исход кампании и привело к окончательному падению Наполеона.

⁴⁷ Собрание Высочайших Манифестов... С. 151.

⁴⁸ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008. С. 334.

⁴⁹ *Пушкин А.С.* Воспоминания в Царском Селе // *он же.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М., 1974. С. 21.

⁵⁰ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Перевод с франц. М., 2001. С. 34.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Дальнего родственника А.С. Пушкина.

⁵⁴ См.: *Любецкий С.М.* Рассказы из Отечественной войны 1812 года. От начала войны до вступления союзных войск в Париж с описанием празднеств и увеселений в Москве по случаю взятия Парижа союзными войсками в 1814 году, марта 19-го. Патриотические песни, анекдоты и описание карикатур того времени. М., 1880. С. 415, 454–455.

⁵⁵ Там же. С. 382.

⁵⁶ ОПИ ГИМ, ф. 180, д. 58, л. 5.

⁵⁷ ПСЗ-І. Т. 32. № 25629.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. С. 347.

⁶⁰ Русские и Наполеон Бонапарте. С. 52–53.